

На правах рукописи



Бычкова Алина Юрьевна

РИНОЛОГИЯ Н.В. ГОГОЛЯ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

10.01.01 – Русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2014

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», на кафедре русской и зарубежной литературы.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Лебедева Ольга Борисовна

Официальные оппоненты:

Мароши Валерий Владимирович, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Новосибирский государственный педагогический университет», кафедра русской литературы и теории литературы, профессор

Никанорова Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», кафедра лингвистики и переводоведения, доцент.

Ведущая организация: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».

Защита состоится 4 июня 2014 года в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на сайте федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Автореферат разослан « ____ » апреля 2014 г.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ:
http://www.tsu.ru/content/news/announcement_of_the_dissertations_in_the_tsu.php

Ученый секретарь
диссертационного совета



Филь Юлия Вадимовна

Общая характеристика работы

Термин «носология» (или «ринология») в литературоведении был введен В.В. Виноградовым в статье «Натуралистический гротеск: (Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос»))»¹. Исследователь оперировал этим понятием, чтобы обозначить многообразие анекдотов и шуточных статей вокруг темы носа, в 1820-1830-х гг. создавших литературный фон для произведения Гоголя. Термин, использованный однажды для одного конкретного исследования повести «Нос», оказался настолько продуктивным, что был востребован и в современных литературоведческих работах, касающихся не только контактных литературных связей Гоголя, но и темы носа у любого другого писателя. Так, его используют для названия своих статей М. Бёмиг («Nasologie»)², Б. Сушков («Нос» и носология)³, А. Синеок («Носология Франца Кафки»)⁴; О. Г. Дилакторская оперирует в своей статье прилагательным «носологический»⁵, понимая под ним «относящийся к носам».

Более того, Виноградов заложил основу для анализа данной темы в аспекте сравнительного литературоведения, которое активно развивается начиная с конца XIX в. и по сегодняшний день. Сравнительный метод дает, среди прочего, возможность исследования повести Гоголя в соответствии с теорией исторической поэтики А. Н. Веселовского, которая, основываясь на факте повторяемости явлений в литературе, сосредоточена на поиске типологических соответствий в виде одних и тех же мотивов в произведениях различных эпох и культур⁶. Основоположником типологического исследования в фольклоре является В. Я. Пропп, который в своих работах классифицировал повторяющиеся элементы по функциям⁷ (Веселовский использовал в качестве нерасчленимой единицы понятие мотива). Эти элементы объединяются в ассоциативные системы вокруг одного, наиболее значимого среди них понятия, поэтому их актуализация в тексте, и особенно актуализация центрального мотива, немедленно вызывает появление и всех остальных, с ним связанных.

Что касается ассоциативной системы ринологии, то мотив носа, разумеется, является для нее ядерным элементом. Эта ассоциативная система обладает архетипической конфигурацией – любая из ее составляющих влечет за собой и все остальные. Творчество писателей разных эпох и культур свидетельствует о том, что мотив носа обладает такой структурированной и устойчивой концептосферой.

¹ Виноградов В.В. Натуралистический гротеск: (сюжет и композиция повести Гоголя «Нос»)) // Виноградов В.В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 5.

² Böhmig M. Die «Nasologie» Jean Pauls, eine Quelle für Gogol's «Nos»? (Ein Beitrag zur Rezeption Jean Pauls in Rußland) // *Tusculum slavicum* : Festschrift für Peter Thiergen. Zürich, 2005. S. 441-461.

³ Сушков Б. Зеркало Гоголя: «Нос» и носология // Сушков Б. Пророк в своем отечестве. Пушкин. Гоголь. Толстой : (о невостребованных идеях и идеалах русских гениев). Тула, 2003. С. 245-322.

⁴ Синеок А. Носология Франца Кафки [Электронный ресурс] // Франц Кафка : собрание сочинений и критика. URL: <http://www.kafka.ru/kritika/read/nosologiya> (дата обращения: 25.09.2012).

⁵ Дилакторская О.Г. Фантастическое в повести Н.В. Гоголя «Нос» // Русская литература. 1984. № 1. С. 153-166.

⁶ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989. С. 301.

⁷ Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М., 2001. С. 22.

Повесть «Нос» является одним из приоритетных объектов анализа в гоголеведении. К ней обращались Г. А. Гуковский, С. И. Машинский, В. М. Маркович, которых интересовала прежде всего проблема художественного метода Гоголя и специфика его сатиры. Ю. В. Манн, О. Г. Дилакторская поставили проблему функционального назначения фантастики Гоголя. Современный этап изучения повести демонстрирует очевидное сужение сферы ее исследования, с выделением темы носа в самостоятельно значимое литературное явление, что предполагает обращение к ее мотивологии. Это направление было разработано такими литературоведами, как Андрей Белый, С. Г. Бочаров, М. Я. Вайскопф, Ю. Н. Тынянов. Но несмотря на большое количество научных трудов посвященных повести «Нос», гоголеведение до сих пор не располагает «ринологией Гоголя» – то есть систематическим изучением проблемы на материале всей совокупности гоголевских текстов, в которых мотиву носа принадлежит довольно значительное место.

Другое направление в изучении повести «Нос» предлагает сравнительное литературоведение. В подавляющем большинстве такие работы посвящены только контактным связям произведения Гоголя. К исследованиям такого рода можно отнести работы В. В. Виноградова, М. М. Бахтина, М. Бёмиг, А. Н. Кузнецова, А. Дунаева и др. Исследования, посвященные истории сюжета повести «Нос», как правило, ограничиваются замечаниями обобщенного характера об актуальности комической темы носа в произведениях русской и европейской литературы и публикациях русских журналов первой трети XIX в., с которыми Гоголь был или мог быть знаком; при этом исследователи почти не касаются проблемы возможных источников повести «Нос» в других произведениях писателя. Кроме того, в аспекте сравнительно-исторического литературоведения пока что ставился лишь вопрос о влиянии европейских носологических текстов на Гоголя; обратный аспект проблемы – влияние гоголевской повести на литературу Европы – еще не привлекал внимания ученых.

Таким образом, **актуальность данной работы** обусловлена непрекращающимся интересом сравнительного литературоведения к повести Гоголя «Нос» и ее литературному фону, однако, как это было показано выше, подобный интерес обозначил значительное количество неисследованных аспектов проблемы. Вопросы о составе концептосферы ринологии Гоголя, о ее корнях как в произведениях самого писателя, так и в творчестве его предшественников, а также проблема типологических параллелей ринологии Гоголя, которые предлагает современный европейский литературный процесс, продолжают оставаться открытыми. Все это обусловило выбор объекта исследования, предмета изучения, определение его цели и задач.

Объектом исследования являются произведения Н. В. Гоголя, У. Шекспира, Э.-С. Сирано де Бержерака, Л. Ариосто, И.-В. Гете, Э.-Т.-А. Гофмана, В. Гауфа, Э. Ростана, П. Зюскинда, в которых так или иначе возникает мотив носа.

Предмет изучения – концептосфера мотива носа, то есть система устойчивых сквозных ассоциативных мотивов, окружающих ядерный мотив носа в произведении писателя любой историко-культурной эпохи и национальной литературной традиции.

Цель работы – реконструкция ринологической концептосферы на материале всех текстов Гоголя и рассмотрение типологических связей ринологии Гоголя с ринологической литературной традицией. Данная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) Исследование и систематизация мотивов и концептов, образующих архетипическую концептосферу темы носа, на материале всех художественных, публицистических и документальных текстов Н.В. Гоголя.

2) Сравнительно-типологический анализ функционирования ринологических мотивов и концептов в произведениях Н.В. Гоголя и У. Шекспира, Э.-С. Сирано де Бержерака, Л. Ариосто, И.-В. Гете, Э.-Т.-А. Гофмана, В. Гауфа, Э. Ростана.

3) Анализ ринологической концептосферы романа П. Зюскинда «Das Parfum»; выявление типологических связей в разворачивании мотива носа у Гоголя и Зюскинда.

Материал исследования можно разделить на следующие группы:

1) совокупность художественных, публицистических и документальных текстов Н.В. Гоголя;

2) произведения У. Шекспира («Ромео и Джульетта»), Л. Ариосто («Неистовый Роланд»), Э.-С. Сирано де Бержерака («Государства и империи Луны»), И.-В. Гете («Фауст»), Э.-Т.-А. Гофмана («Золотой горшок», «Крошка Цахес», «Песочный человек», «Повелитель блох»), В. Гауфа («Карлик Нос»), Э. Ростана («Сирано де Бержерак»), составляющие типологический контекст гоголевской ринологии; повесть «Нос» соотносится с ними, как минимум, на уровне архетипического мотива;

3) роман П. Зюскинда «Das Parfum» как факт современной европейской литературы, в котором архетипическая структура мотива носа и его концептосфера представлены в наиболее полном объеме.

Основанием анализа послужили следующие **методологические принципы**:

1) герменевтический метод, позволяющий интерпретировать художественные произведения Гоголя и ринологические тексты других писателей;

2) сравнительно-типологический метод, с помощью которого тема носа в творчестве Гоголя и мотивы, ей сопутствующие, исследовались в сопоставлении с литературой европейских писателей;

3) структурный метод, дающий возможность описать структуру ринологических мотивов и концептосферу мотива носа, которая неизменно образуется вокруг него в литературе разных историко-культурных эпох.

Теоретическую базу исследования составили труды А. Н. Веселовского, В. Я. Проппа, О. М. Фрейденберг по исторической поэтике, В. Н. Топорова, К. Леви-Стросса и Д. Д. Фрезера по мифопоэтике и типологии первобытного мышления, В. В. Виноградова по изучению литературного фона повести «Нос», А. Белого, С. Г. Бочарова и М. Я. Вайскопфа по интерпретации произведения.

Научная новизна исследования прежде всего определяется тем, что к изучению гоголевской ринологии впервые кроме повести «Нос» привлечена полная совокупность текстов Н.В. Гоголя (художественных, публицистических и документальных). На этом репрезентативном материале реконструирована и изучена система периферийных ринологических мотивов и концептов, позволяющая выявить закономерности функционирования этой темы в творчестве Гоголя в целом и создать модель концептосферы мотива носа, а также поставлена проблема

гоголевской ринологии в контексте сравнительно-типологического метода исследования.

В существующих трудах литературоведов, обращавшихся к этой проблеме, она рассматривается в аспекте прямого, генетического заимствования (сравнительно-контактный метод), а выявление контактных связей повести «Нос» ориентировано преимущественно на текстуальные совпадения и доказательство возможной осведомленности Гоголя о данном тексте. В предлагаемой работе, напротив, предпринята попытка реконструкции универсальной системы носологических мифологем в творчестве Гоголя с установлением типологических закономерностей их возникновения на фоне творчества предшественников, современников и наследников русского писателя. В качестве сравнительного материала к исследованию привлечен целый ряд текстов европейских литератур (английской, итальянской, немецкой, французской), начиная с эпохи Возрождения до наших дней, в том числе произведения У. Шекспира, В. Гауфа, Э.-Т.-А. Гофмана и П. Зюскинда, впервые вводимые в типологический контекст гоголевской ринологии.

Наконец, уровни проявления гоголевской ринологии впервые дифференцированы в поэтологическом аспекте: на основании сквозных концептов, возникающих не только в связи с носом как объектом, но и в связи с персонажем и топосом, гоголевская ринология осмыслена на трех уровнях поэтики: мотив носа может существовать в качестве биологического, антропологического и топологического образов.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она выявляет систему типологических связей ринологической литературы различных эпох, на этой основе реконструирует концептосферу ринологии и предлагает исследование мотива носа в творчестве Гоголя в герменевтическом и сравнительно-историческом аспектах.

Практическая значимость: работа может быть использована в изучении мотивов в сравнительном литературоведении; материалы и выводы могут быть применены в процессе вузовского преподавания зарубежной литературы и русской литературы XIX века, при чтении общих и специальных курсов и в разработке тематики спецсеминаров.

Положения, выносимые на защиту

1. Тема носа в европейской литературе вообще и в текстах Гоголя в частности функционирует в виде архетипической структуры (концептосферы), имеющей атомарное строение: ядерным является мотив носа; концепты и мотивы, составляющие его периферическое окружение, могут быть представлены в виде двух парадигм.

2. Первую парадигму составляют мотив еды (нос постоянно находится в соседстве с едой, поглощает ее, отождествляется с ней); мотив стекла и зеркала (пределы существования носов ограничены зеркальным пространством или стеклянным сосудом); и, наконец, оппозиция мотивов «глаза – нос». Отношения между носологическими мотивами в этой парадигме основаны на принципе метонимии (контагиозной магии, по смежности нахождения в художественном пространстве).

3. Вторая парадигма мотивов выявляется в воплощениях ринологического образа на разных уровнях поэтики. Мотив носа может возникать в образности

художественного, публицистического или документального текста явно, как биологический (отдельно существующая или присущая телу его часть) и антропологический (в виде антропоморфного персонажа) образ, а также имплицитно, как топологический (урбанистический – характеристика художественного пространства) образ. Взаимоотождествление этих уровней поэтики как форм проявления ринологической концептосферы осуществляется по принципу метафоры (симпатическая магия) на основе общих признаков, таких, как самостоятельность, подвижность, одушевленность, театральность.

4. Аналогично функционирующие системы мотивов выявляются не только в текстах Гоголя, но и в ринологических произведениях европейских писателей различных эпох: С.-Э. Сирано де Бержерака («Государства и империи Луны»), Л. Ариосто («Неистовый Роланд»), У. Шекспира («Ромео и Джульетта»), Э.-Т.-А. Гофмана («Золотой горшок», «Крошка Цахес», «Песочный человек», «Повелитель блох»), В. Гауфа («Карлик Нос»), П. Зюскинда («Das Parfum»). Весь диапазон носологических концептов и мотивов в полной мере присутствует в творчестве Гоголя, что позволяет назвать его произведения связующим звеном истории ринологической литературы.

Апробация работы. Результаты исследования были представлены в виде докладов на конференциях: «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, ТГУ: 2008, 2009, 2010, 2011, 2012), «Молодая филология» (Новосибирск, НГПУ: 2008, 2009), «Junge Slavistik im Dialog» (Германия, Киль, 2010), «Русско-испанские сопоставительные исследования: теоретические и методические аспекты» (Испания, Гранада, 2011), «Традиции и инновации в филологии XXI века» (Томск, ТГУ, 2012). По теме диссертации опубликованы 12 работ, из них 3 статьи в журналах, входящих в перечень рецензируемых ВАК РФ, 9 статей в сборниках по материалам научных конференций.

Структура диссертационной работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, включающего 150_наименований.

Основное содержание работы

Во Введении предлагается обоснование актуальности темы, обзор имеющихся по ней работ, описание научной новизны и результатов исследования, формулировка цели, задач, методов исследования и обоснование критериев отбора материала.

В первой главе «Сюжетообразующие ринологические мотивы в произведениях Н. В. Гоголя и их ретроспективы» предпринята попытка реконструировать систему мотивов, сопутствующих теме носа в творчестве Гоголя и образующих часть ее концептосферы. Выявлено типологическое родство этой системы с аналогичными системами в произведениях европейских писателей, являющихся предшественниками Гоголя в контексте истории литературной ринологии: Эркюля Савиньена Сирано де Бержерака, Лудовико Ариосто, Вильгельма Гауфа, Эрнеста Теодора Амадея Гофмана.

Первый раздел **«Мотив хлеба и еды»** описывает соответствующий мотив в носологических контекстах ряда произведений Гоголя. Теория М.М. Бахтина констатирует общность тела и еды и размытость границ между ними в карнавальном пространстве. Гоголь неизменно *сравнивает носы с едой*. Особенно это касается

хлеба и выпечки: в повести «Нос» лица героев оказываются похожими на блин, сухарь, пирожное. Таким образом, карнавальная концепция тела определяет хлебно-носологическую сторону сюжета повести. Связь с данным мотивом есть и еще на одном уровне: носы любят поглощать – как еду (обычно в виде ее запаха), так и табак, причем этот процесс происходит независимо от желания человека. Еда, табачный дым и табак представляются символическими жертвоприношениями: прахом жертвы и дымом от ее сожжения. Носы в таком случае пародийно отождествляются Гоголем с божествами. Этот *мотив жертвоприношения* типологически родствен сюжету Сирано де Бержерака в произведении «Государства и империи Луны», где обитающие на Луне существа, ставящие себя выше людей, питаются запахами.

Оппозиционным к мотиву поглощения еды становится носологический *мотив отвращения* к объектам, которые недопустимы в качестве жертвоприношений для носов. К таким объектам в первую очередь относится *капуста и ее запах*, которая *приравнивается к запаху человеческого тела*. Обыгрывание «голова человека – кочан» имеет корни в европейской ринологической литературе (Цшокке «Панегирик носу», Гауф «Карлик Нос»). Нос и человек оказываются противопоставленными друг другу как бестелесное существо (только обоняющее) и источающее отвратительные запахи тело.

Нос, желающий, с одной стороны, поглощать табак и еду как жертвоприношения, и с другой – обонятельно превозносящий себя над человеком и отказывающийся от растительных «подношений», представляется существом, возмнившим себя *божеством*. Факт, что носы отождествляются с едой, согласовывается с мотивом жертвоприношения: в жертве воплощается как подношение богам, так и само божество.

Во втором разделе «**Мотив зеркала и стекла**» устанавливается связь темы носа с данным мотивом. Параграф посвящен характеристике литературной *зеркальности*. Она неизменно появляется вместе с *мотивом честолюбия*: в моменты ослепления и самолюбования героев Гоголя окружают сверкающие поверхности. Кроме того, зеркальность и честолюбие сопоставлены и с мотивом носа: так, и Чичиков, и Ковалев время от времени любят свои носы. У зеркальных пространств Гоголя есть особенность: они всегда искажают действительность – отражение никогда не является симметричным повторением человека или объекта, но обладает полной самостоятельностью и собственной идентичностью. Еще одна особенность зеркала заключается в том, что оно *очерчивает пределы существования носов*: их можно увидеть только в отражении. Оба данных свойства присущи и другим литературным пространствам: луне в произведении «Государства и империи Луны» Сирано де Бержерака, где мотив носов и запахов является одним из центральных, и луне в «Неистовом Роланде» Лудовико Ариосто. С одной стороны, *луна является зеркальным отражением пространства обитания людей*, потому что она во всех смыслах неизменно ему противопоставляется, с другой – потому что, как и в зазеркалье, *на луне обитают носы*. Каждое из пространств произведений указанных писателей, а также пространство сказки Э.-Т.-А. Гофмана «Золотой горшок» предполагает заточение носов под *стекло*. У Сирано де Бержерака в сосудах хранятся запахи-обеды, которыми питаются обитатели Луны, по сути, являющиеся носами. У Ариосто на Луне в склянках хранятся мозги людей, живущих на земле,

причем так же в виде запахов. У Гофмана под стеклом оказывается главный герой в результате излишне честолюбивой позиции: то же самое произошло с Ковалевым в повести Гоголя «Нос». Ковалев идентифицирует свой нос с собой, но он исчез с его лица и оказался в мире зазеркалья, то есть тоже под стеклом.

Мотив сна, соотнесенный с зеркальностью, также типологически повторяется в некоторых ринологических текстах: в первоначальной редакции повести «Нос» события объяснялись сном, а в трагедии «Ромео и Джульетта» Шекспира возникновение сновидений поэтически объясняется путешествием фей внутрь мозга человека через его нос. Сон связан с изменением зрения: Ковалев, потеряв нос, видит мир иначе, в этом виновно стекло или зеркальная поверхность, потому что они искажают действительность. То же самое происходит и с Ансельмом в сказке Гофмана «Золотой горшок».

Еще один элемент, из которого складывается ринологический мотив стекла и зеркальности в творчестве Гоголя, – это *тема самоопределения*. Она присутствует и в сказке В. Гауфа «Карлик Нос». Модель самоидентификации, которой пользуется главный герой сказки, представляет собой зеркальную противоположность той же модели в повести Гоголя «Нос». В первом случае персонаж Якоб, превратившись в носатого карлика, видит свое изменившееся отражение. Однако он оказывается в состоянии понять, что зеркало его обманывает и продолжает по-прежнему осознавать свое я. Во втором случае майор Ковалев, разглядывая свое лицо, с которого исчез нос, подпадает под влияние зеркального наваждения, безоговорочно ему верит и в результате утрачивает самоидентификацию.

Третий раздел **«Мотив, выраженный в оппозиции «глаза – нос»** исследует ринологический мотив в контексте описаний лиц гоголевских персонажей. Заявленную в названии оппозицию можно проследить в эволюции: от «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргород» до «Петербургских повестей» и поэмы «Мертвые души».

В первых циклах *глаза аккумулируют коннотации духовности, а носы – материальности*. Что примечательно, *глаза* – в буквальном смысле «зеркала души» – представляются несамостоятельными и *безжизненными*, что достигается за счет ряда грамматических и лексических средств. *Носы*, в свою очередь, с их склонностью к поглощению, проявляют в этом плане крайнюю активность и *бурную жизнедеятельность*. При этом важна категория зрения: обладатели лиц, в описании которых акцентированы глаза, ими почти не пользуются, либо просто слепы (наиболее характерный пример – панночка в повести «Вий»), герои с выдающимися носами, напротив, оказываются зоркими.

В более поздних произведениях Гоголя, в «Петербургских повестях» и в поэме «Мертвые души», ринологический мотив, оформленный в виде данной оппозиции, связан с предметным миром в случае и носа, и глаз. Однако противопоставление сохраняется, но по новому признаку: *органика – неорганика*. В частности, носы и глаза героев как часть ринологической парадигмы противопоставляются друг другу так же, как мотивы еды и стекла. Героини, ослепляющие своей красотой, обладают сверкающими, «стеклянными» глазами. В то же время персонажи с лицами, сосредоточенными на носе, имеют глаза, в описании которых используется сравнение с едой. В случае данных произведений категория зрения распределяется между этими двумя типами лиц так же, как в более ранний период: прекрасные

глаза слепы, а маленькие глаза на носатых лицах отлично видят. Однако это имеет конкретную причину. Сверкающие глаза героинь представляются скорее оптическими приборами из стекла, а у глаз на лицах, центр которых – нос, недостаток зрения может быть компенсирован отличным обонянием.

Мотив данной оппозиции прослеживается также в произведениях Э.-Т.-А. Гофмана «*Золотой горшок*», «*Песочный человек*», где были обнаружены описания сверкающих, «стеклянных» глаз (очень характерны в этом плане глаза куклы Олимпии), в «*Мадемуазель де Скюдери*», где та же ситуация представлена наоборот: драгоценные камни оказываются почти зрячими.

Вторая глава «Смыслопорождающие ринологические концепты в произведениях Н. В. Гоголя и их ретроспективы», как и первая, посвящена сопоставлению носологических сюжетов Гоголя с произведениями авторов, исторически ему предшествовавших. Концептосферу темы носа можно дополнить еще одной системой мифологем. Она состоит в том, что нос может проявлять себя в виде различных ипостасей: от части человеческого тела до целого топоса.

Первый элемент этой системы рассмотрен в разделе «**Биологический образ носа**». Нос функционирует у Гоголя как самостоятельный персонаж – с актуализацией его физиологических свойств, в чем проявляется художественное осмысление обоняния писателем. В качестве отдельно существующей части тела нос проявляет себя не только в одноименной повести. Этот аспект ринологии выражается, среди прочего, через прием *синестезии*: обонянием в ряде произведений заменяется любое из остальных четырех чувств. Носы также готовы взять на себя *когнитивную функцию* человеческого сознания. Герои Гоголя очень часто оказываются способными понять что-либо через обоняние, и глагол «пронюхать» используется в качестве синонима для «узнать». Этот мотив обнаруживается также в сказке Э.-Т.-А. Гофмана «*Повелитель блох*», в вышеупомянутой трагедии Шекспира «*Ромео и Джульетта*» и в произведении Сирано де Бержерака «*Государства и империи Луны*». Помимо синестезии, носы характеризуются как самостоятельные существа через категорию «*одушевленности/неодушевленности*». Так, с одной стороны, им присущи крайняя жизнеспособность и подвижность. Зачастую именно носы контролируют поведение их обладателей. С другой стороны, нос представляется крайне предметной субстанцией. И, наконец, самостоятельность образа носа подчеркивается Гоголем тем, что нос *уравнен с человеческим подсознанием*. Примечательно, что физиологически обонятельный центр мозга действительно занимает важное место в нервной системе и значительным образом влияет на поведение человека. *Мотив отождествления носа и связанного с ним чувства обоняния с мозгом и интеллектом* встречается также у Сирано де Бержерака в произведении «*Государства и империи Луны*» (по мнению персонажей, которые живут на Луне, большой нос является признаком интеллекта), Лудовико Ариосто в «*Неистовом Роланде*» (на Луне хранятся мозги или разум людей в виде закупоренных ароматов), Эдмона Ростана.

Наиболее часто мотив самостоятельного носа, помимо повести «Нос», встречается у Гоголя в поэме «*Мертвые души*». Это может быть связано с тем фактом, что к ее написанию Гоголь приступил осенью 1835 года, чему предшествовало завершение текста первой редакции повести «Нос» в начале того

же года, а в 1841-1842 гг. он переработал финал повести, к этому времени были написаны первые главы «Мертвых душ». Таким образом, одновременная работа над повестью «Нос» и начальными главами поэмы не могла не проявиться в общности мотивов в произведениях.

Второй раздел **«Антропологический образ носа»** посвящен, прежде всего, комедии *«Ревизор»*, главному герою которой оказываются присущи ринологические признаки, что связано с актуализацией в произведении связанных с носом мифологем. *Потребность в поглощении*, охарактеризованная как присущая носам в первом разделе первой главы, является одной из ключевых его черт: среди реплик Хлестакова 15 раз встречаются упоминания о еде. Кроме того, в комедии актуализируется и мотив *отвращения к капусте*, всегда сопутствующий ринологии. Герой напоминает нос майора Ковалева склонностью подъехать на карете, прогуляться по Невскому проспекту и *анонимностью*: обоих окружающие принимают не за тех, кем они являются, никак не пытаясь при этом разобраться в их идентичности. В связи с этим Хлестаков проявляет себя как ринологический субъект и в своем воздействии на других героев произведения: перед ним у людей возникает *бессознательный страх и необъяснимое восхищение*. Еще одним таким персонажем у Гоголя является *Чичиков*, тоже постоянно поглощающий большие количества еды и представляющийся окружающим загадочной и опасной фигурой.

Аналогичным персонажем в европейской литературе является заглавный герой сказки Э.-Т.-А. Гофмана *«Крошка Цахес по прозванию Циннобер»*, что позволяет говорить о повторяющемся мотиве антропологического образа носа. Для него, как для антропологического носа, характерны *прожорливость и анонимность* (как и у носа Ковалева, ставшего человеком, у Цахеса трудно разглядеть лицо). Окружающие воспринимают его так же, как воспринимают Хлестакова и отчасти Чичикова персонажи в произведениях Гоголя: с готовностью поверить в любую легенду об этой фигуре, страхом и благоговением.

В третьем разделе **«Топологический образ носа»** в качестве ипостаси ринологического субъекта рассматривается образ топоса. С одной стороны, нос сам по себе является пространством, поскольку он поглощает, содержит и обрабатывает запахи. С другой – пространство может приобретать ринологические свойства. Так, в данном случае мы имеем дело с топосом гоголевского *Петербурга*. Совокупность мифов о нем в различной литературе обнаруживает свойства, присущие носам: в частности *пограничное расположение относительно единого целого* – страны или человека, частью которого данный «нос» является. Примеры других топологических носов встречаются у Сирано де Бержерака и Ариосто – и в том, и в другом случае эту роль играет пространство Луны (как и у Гоголя, в том числе). Среди аспектов, присущих ринологическим топосам, выделяются:

- *подвижность* – подобно тому, как нос Ковалева сходит с лица, и в системе петербургских мифов важное место занимает сюжет со свободно передвигаемым городским камнем;

- *эсхатологический мотив* – демоническая природа ожившего носа Ковалева соотносится с мифологическим Петербургом – символическим царством мертвых (в этой связи в повести Гоголя «Нос» есть отсылки к образу Мефистофеля из

«Фауста» Гете), а его сбрасывание цирюльником Иваном Яковлевичем в Неву – с сюжетом о затоплении города; кроме того, вода является границей между миром живых и мертвых (как и зеркальная поверхность);

- *миражность* – колебание носа между миром объектным и субъектным, которое было изучено в первом разделе данной главы, родственно петербургской неустойчивости: этот город также балансирует между противоположными свойствами (реальность и фантазмагоричность, хаос и упорядоченность и т.д.);

- *театральность* – отделившийся нос Ковалева склонен к показательным выступлениям перед публикой, а петербургскому городскому пространству свойственны декоративные «сценические» фасады и неприглядное «закулисное» пространство.

- *анонимность* – как уже упоминалось, она является неотъемлемой чертой носа, а в Петербурге на Невском проспекте, как известно из одноименной повести Гоголя, «все обман, все не то, чем кажется».

Соответственно, топологический образ входит в концептосферу понятия «нос», которая фигурирует в ряде произведений.

Третья глава «Роман П. Зюскинда «Das Parfum» как перспектива ринологии Н. В. Гоголя» посвящена исследованию систем мифологем носа на примере произведения, написанного уже в XX веке. В своей функции продолжения ринологической традиции роман является репрезентативным, поскольку в нем была обнаружена та же парадигма архетипических мотивов носа, что и у Гоголя. В связи с этим структура данной главы повторяет структуру двух предыдущих глав.

Первый раздел **«Смыслообразующие концепты в романе «Das Parfum»** посвящен *мотивам еды, жертвоприношения и отращения, мотивам зеркала и стекла и оппозиции «глаза – нос»*.

Мотив *еды и поглощения* – один из основных в произведении уже потому, что обоняние, по сути, является единственным чувством восприятия у главного героя Гренуя. Данный мотив обнаруживается, с одной стороны, в подчеркнутой прожорливости персонажа, и с другой – в описании вдыхания ароматов, которое делает его похожим на принятие еды. Тема *жертвоприношения*, тесно связанная с данным мотивом, разумеется, тоже присутствует в романе:

- Гренуй несколько раз сравнивается с кровожадными насекомыми и растениями, поджидающими свою жертву;

- герой сам себя провозглашает божеством, создавая в воображении целые обонятельные миры;

- в произведении есть отсылка к ритуалу причастия, связанная с вином;

- героиня, которую задумал убить Гренуй, незадолго до смерти представляется в глазах окружающих существом, которое везут на жертвоприношение;

- тело главного героя ассоциируется с хлебом, и, кроме того, его смерть от съедения толпой воспроизводит ритуал жертвоприношения: пожирания его участниками символического тела бога. В этом его образ близок образу гоголевского носа, возникшего в хлебе.

Запах человеческого тела, уравниваемый в сознании героя с гнилым растительным запахом и, прежде всего, с *запахом капусты*, вызывает у Гренуя отращивание, как и у всех носов в произведениях Гоголя, и в ринологической литературе его предшественников.

Мотив зеркальности и стекла проявляется в романе Зюскинда в следующем виде.

- Как *мотив стеклянной емкости*. СклЯнки и флаконы – не только профессиональные инструменты, которыми герой пользуется для реализации своего обонятельного таланта, но и один из объектов, замещающих его самоидентификацию. *Гренуй часто представляет себя стеклянной емкостью*, которая наполняется ароматами и перерабатывает их и, соответственно, без запахов оказывается пустой и почти невидимой. Это сближает его с Ковалевым, гладкое безносое лицо которого похоже на пузырек.

- Как средство выражения *проблемы самоопределения*, реализованной с помощью метафор, использующих данный мотив. Тема самоощущения героя неизменно возникает в связи с образом черного зеркала, воплощающего его ринологическую сущность. Поскольку главная деятельность носа – поглощение, то его зеркальным отражением, символически решающим вопрос самоопределения, будет черная поверхность, не отражающая и не испускающая никакого света. Подобным образом и Ковалев, пытаюсь самоопределиться без носа и разглядывая себя в зеркале, отмечает, что видит «ничего». *Черное зеркало*, представляющееся Греную при попытке самоидентификации, коррелирует с образом запаха-тумана, обладающего аналогичными свойствами, который нельзя обонять, но который, наоборот, засасывает, словно черная дыра, и вызывает у героя удушье. Примечательно, что *проблемы с дыханием в моменты самоопределения* появляются у персонажей Гоголя в повести «Нос» и Э.-Т.-А. Гофмана в сказке «Золотой горшок». Мотив невозможности самоопределения носа через обоняние реализован в виде игры слов, возможной в немецком языке благодаря фразеологизму «*jemanden nicht riechen können*», который переводится как «ненавидеть кого-либо», и при этом буквально означает «не быть в состоянии обонять кого-либо». Эта метафора в системе одорологии воспроизводит формулу самоопределения через любовь к себе, описанную Эрихом Фроммом. Идея постижения своего я через вдыхание своего запаха присутствует также и в поэме Лудовико Ариосто «*Неистовый Роланд*», и в повести Н.В. Гоголя «*Записки сумасшедшего*».

Тема самоопределения присутствует в романе и в виде *мотива нарциссизма*. На его значимость указывает выделение цветков нарцисса среди множества других ароматных субстанций, с которыми работает Гренуй. Отражением героя-нарцисса, то есть объектом его вожделения и самоидентификации, становятся ароматы девушек, которые отождествляются героем с их душами. Как пустая стеклянная емкость, он стремится заполнить себя ими, присвоить их и раствориться в них. В соответствии с мифом о нарциссе, Гренуй в итоге терпит поражение, бесследно исчезнув среди созданных им запахов, которые он решил сделать своим безупречным отражением.

Зеркальность, как и в произведениях, рассмотренных в предыдущих главах, связывает ринологию с темой самоопределения и нарциссизма. Причем ольфакторный объект – нос или запахи – становится тем предметом в отражении персонажа, заглядывающего в зеркало для подтверждения своего существования, который своим блеском и привлекательностью сводит его с ума и вызывает потребность слиться с ним, что приводит к краху и, в конце концов, отсутствию кого-либо самоопределения.

Оппозиция «глаза – нос» как ринологический мотив тоже присутствует в романе Зюскинда. *Описание глаз главного героя* очень напоминает глаза персонажей Гоголя, у которых нос является центром лица: *небольшой размер, отсутствие выразительности*. Нос Гренуя тоже обладает характеристиками, свойственными «носатым» гоголевским героям: *подвижность, живость и самостоятельность*. В произведении есть и глаза, составляющие носам оппозицию, которая была обнаружена у Гоголя. *Выразительные и прекрасные глаза принадлежат девушкам*, которые стали жертвами Гренуя. Кроме того, их запахи герой воспринимает как драгоценные камни, из которых он создает диадему, то есть духи. Эта метафора напоминает сравнение глаз героинь в поздних произведениях Гоголя со сверкающими бриллиантами.

Второй раздел **«Смыслообразующие концепты в романе «Das Parfum»** разрабатывает систему образов-концептов, представленную в произведениях Гоголя. Герой Зюскинда – современный литературный нос – реализуется во всех трех образах: *часть тела нос, человек-нос и пространство-нос*.

Как *биологический нос*, Гренуй проявляет себя в виде организма, функционирующего только в рамках обоняния. Как и для литературных носов Гоголя, для него характерно полное *отсутствие сочувствия* к кому-либо. По способу самореализации в качестве носа как части тела, которой свойственна *предметность*, герой Зюскинда оказывается Ковалева в одной из сцен романа похожим на нос. Принюхивающегося младенца Гренуя священнослужитель разглядывает с таким же страхом, как и цирюльник Иван Яковлевич – белеющийся нос в хлебе.

Подобно произведениям Гоголя, чувство обоняния в романе Зюскинда организует систему *синестезии*: оно заменяет все остальные чувства. Это проявляется, прежде всего, в средствах описания запахов, где используются визуальные, звуковые, вкусовые, осязательные образы.

Для Гренуя, как для настоящего носа, релевантной оказывается и категория *одушевленности*. Ситуация с пропажей носа, то есть с его свойственной одушевленным объектам *подвижностью*, сложившаяся в повести Гоголя «Нос», имеет место и в романе Зюскинда. Реплики Бальдини касательно потери им обоняния и затем – возможной утраты помощника-носа Гренуя обнаруживают параллели с восклицаниями Ковалева, проснувшегося тоже безносом.

Мотив уравнивания носа с самостоятельным интеллектом и человеческим подсознанием определяется крайней рациональностью Гренуя. Парадоксальным образом он инстинктивно принимает только логичные решения, спонтанно основанные на том, какие он чувствует в тот или иной момент запахи. И наоборот: то, что обычный человек делает бессознательно, ринологический герой совершает крайне расчетливо, как, например, восприятие и анализ ароматов. Таким образом, *Гренуй представляется* лимбическим или обонятельным мозгом, *отдельно существующим сознанием*, что также подтверждает его статус биологического образа самостоятельного носа.

Антропологический образ носа актуализируется в определенный момент: когда Гренуй начинает осознавать себя как мыслящего субъекта. Приступ удушья от собственного *запаха-тумана*, сопровождающий попытку самоидентификации героя, отделяют период его существования как обонятельного органа от периода осознания

им себя как человека. Эта *метаморфоза* представляется как минимум типологически родственной превращению отделившегося носа майора Ковалева из части тела в чиновника, которое тоже предварялось возникновением тумана.

Еще одна черта, сближающая Гренуя в данной человекоподобной «ипостаси» с другими антропологическими носами Гоголя, – это *нулевой жизненный путь*. В повести Гоголя нос Ковалева, наделав много шума во время своей прогулки по Петербургу, вернулся на прежнее место, после чего об этих событиях никто больше не вспоминал, а сам Ковалев воспринял их как кошмарный сон. Появление ринологического персонажа *Хлестакова* и множество связанных с этим разнообразных действий в итоге никак не отразились на положении в городе: «Ревизор» заканчивается так же, как и начинался. Таким же образом происходит интенсивное взаимодействие Гренуя с окружающим миром, что автор неоднократно подчеркивает в романе: его жизненный путь сравнивается с петлей, и сообщается, что после его смерти не осталось никаких следов, свидетельствовавших о существовании его личности. Имевшие с ним дело люди, как и Ковалев, постарались как можно скорее забыть все связанные с его деятельностью события.

Восприятие антропологического носа Гренуя другими героями оказывается таким же, как и отношение к ринологическим личностям в произведениях Гоголя. С одной стороны, здесь имеет место *страх* перед таким персонажем. Как Ковалев боится своего носа, а чиновники – Хлестакова, так и люди в романе «*Das Parfum*» испытывают инстинктивный страх перед Гренуем, – потому что как нос он является поглощающим субъектом, при этом не сообщаям о себе никакой информации. С другой стороны, возникает сопутствующий страху *культ личности*: герой Зюскинда с триумфом вызывает восхищение публики точно так же, как с восторгом на свой нос смотрит Ковалев, на *Хлестакова* – чиновники и на *крошку Цахеса* – персонажи сказки Гофмана.

Отсюда вытекает еще одна антропо-ринологическая черта – *анонимность*. Наряду со всеми уже перечисленными антропологическими носами Гренуй, не обладая собственной идентичностью, присваивает себе чужую, успешно представляясь кем-то другим, невероятно обаятельным и прекрасным.

Герой-нос в романе «*Das Parfum*» реализуется и в *топологическом* облике. Гренуй *отождествляет себя с неким пространством*. На это указывает уже то, что вдыхаемые им запахи заполняют его изнутри целиком, а не только его нос. Он чувствует себя стеклянной емкостью, заполняемой ароматами. Помимо этого пространственный характер персонажа проявляется в его потребности выдумывания огромных миров, не существующих за пределами его воображения.

Кроме того, связь героя с топологическими категориями обнаруживается в его *страсти к прогулкам по городам*, в том числе, по Парижу, потому что они удовлетворяли его потребность в новых запахах. В этом он очень похож на нос Ковалева и на Хлестакова, которые испытывали странную необходимость ходить по Невскому проспекту. Греную свойственна *любовь к еще одному традиционно ринологическому топосу – Луне*, ставшему таковым благодаря произведениям *Ариосто, Сирано де Бержерака, Гоголя*. Устав от города, герой романа «*Das Parfum*» уходит от людей, туда, где есть много лунного света, то есть в то место, где воспроизводятся самые комфортные для носов условия.

Само *пространство Парижа* в романе Зюскинда оказывается похожим на пространство гоголевского Петербурга, которому присущ ряд ринологических черт. Среди них *распадение на отдельные части тела* – мотив, известный по повести «Невский проспект». Это подтверждается огромным количеством косметических продуктов, обеспечивающих уход за самыми разными телесными проявлениями, изготовлением которых занимается Гренуй на службе у парфюмера Бальдини. Таким образом определяется дифференцированный облик парижан.

Греную также присуща свойственная гоголевскому ринологическому образу Петербурга *театральность*. *Пространство внутри себя* – пустое само по себе – он организует по принципу театра. Его фантазии о собственных мирах действуют в рамках сцены и отделений спектакля. С *пространством вокруг Гренуя*, если он дает о себе знать окружающему миру, происходит то же самое. Как из появления носа Ковалева любопытствующее население Петербурга невольно устраивает представление, так и казнь Гренуя заставляет горожан Монпелье чувствовать себя словно в театре и воспринимать ее соответствующим образом.

Очередное свойство, обнаруженное у топосов романа «Das Parfum» и сближающее их с ринологическими пространствами других произведений, – это *зыбкость границ объектов*. Миражность, делавшая в гоголевском Петербурге цирюльника похожим то на собаку, то на лошадь, работает точно так же и в литературном пространстве Парижа: *Гренуй похож на паука, клеща, лягушку*.

Заключение содержит итоги и перспективы дальнейшего исследования. Систему мифологем, сопровождающих литературные носы, которую удалось реконструировать на указанном материале художественных произведений Гоголя, Гофмана, Гауфа, Сирано де Бержерака, Ариосто, Шекспира, Ростана, можно упорядочить следующим образом. Будучи связаны с мотивом носа, мифологемы выстраиваются по двум системам координат, соответствующим принципу метафоры и принципу метонимии. Часть из них (им посвящена первая глава и первый раздел третьей главы) организуется вокруг темы носа по метонимическому принципу: хлеб и стекло являются смежными, сопутствующими носу элементами, появляющимися неизменно «рядом». То же самое относится к мотиву «нос-глаза», который, в свою очередь, отражает взаимодействие мотивов хлеба и стекла. Вторая часть мифологем, которой посвящена вторая глава и второй раздел третьей главы, формирует метафорический аспект ринологии. Часть тела, человек и топос – это то, с чем абстрактная идея носа как осязательного органа сравнивается и чем она замещается.

Работы, опубликованные по теме диссертации

Статьи в журналах, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования науки Российской Федерации:

1. Бычкова А. Ю. Ретроспективы и перспективы гоголевской ринологии / А. Ю. Бычкова // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 324. – С. 16-17. – 0,12 п.л.

2. Бычкова А. Ю. Нос и его обонятельная функция как художественный образ в творчестве Н.В. Гоголя и в произведениях западноевропейской литературы

/ А. Ю. Бычкова // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 372. – С. 13-18. – 0,36 п.л.

3. Бычкова А. Ю. Мотив жертвоприношения в творчестве Н.В. Гоголя. Сравнительно-типологический аспект / А. Ю. Бычкова // В мире научных открытий. – 2013. – № 9.1 (45). – С. 175-191. – 0,48 п.л.

Публикации в других научных изданиях:

4. Бычкова А. Ю. Карнавальный субстрат ассоциации мотивов носа и еды в повести Н.В. Гоголя «Нос» / А. Ю. Бычкова // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, 27-28 апреля 2007 г. : в 2 ч. / под ред. Д.А. Олицкой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. – Ч. 1 : Литературоведение. – С. 43-45. – 0,18 п.л.

5. Бычкова А. Ю. Стекло как ринологический концепт в Петербургских повестях Н.В. Гоголя / А. Ю. Бычкова // Молодая филология-2008 (по материалам исследований молодых ученых) : межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. педагог. ун-та, 2009. – С. 81-85. – 0,3 п.л.

6. Бычкова А. Ю. Мифопоэтика ринологических мотивов в творчестве Н.В. Гоголя и П. Зюскинда / А. Ю. Бычкова // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : материалы конференции молодых ученых / под ред. А.А. Казакова. Вып. 10 : в 2 т. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. – Т. 2 : Литературоведение. – С. 35-39. – 0,3 п.л.

7. Бычкова А. Ю. Архетипический образ носа и проблема самоидентификации в творчестве Н.В. Гоголя и П. Зюскинда / А. Ю. Бычкова // Молодая филология-2009 (по материалам исследований молодых ученых) : межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. педагог. ун-та, 2009. – С. 134-140. – 0,42 п.л.

8. Бычкова А. Ю. Ринологический мотив зеркальности в произведениях Н.В. Гоголя и В. Гауфа / А. Ю. Бычкова // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : материалы конференции молодых ученых. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. – С. 28-31. – 0,24 п.л.

9. Бычкова А. Ю. Оппозиция «нос – глаза» как центр художественного внимания Н.В. Гоголя / А. Ю. Бычкова // Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы : в 2 т. – Granada : Industrias Graficas Abulenses, 2010. – Т. 2. – С. 1628-1632. – 0,3 п.л.

10. Bychkova A. Spiegelung in der Erzählung «Die Nase» von Nikolai Gogol' und dem Märchen «Zwerg Nase» von Wilhelm Hauff / A. Bychkova // Junge Slavistik im Dialog II : Beiträge zur V. Slavistischen Studentenkonferenz : Studien zur Slavistik / P. Nádeníček, K. Rózanska & A. a Weigl (Hrsg.). – Hamburg, 2010. – Bd. 24. – S. 55-63. – 0,54 п.л.

11. Бычкова А. Ю. Воплощение образа Петербурга в повести Н.В. Гоголя «Нос» / А. Ю. Бычкова // Русско-испанские сопоставительные исследования : теоретические и методические аспекты. – Granada : Industrias Graficas Abulenses, 2011. – С. 306-311. – 0,36 п.л.

12. Бычкова А. Ю. Антропологический образ носа в произведениях Н.В. Гоголя

и Э.-Т.-А. Гофмана / А. Ю. Бычкова // Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых : материалы всероссийской молодежной конференции, 23-25 августа 2012. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. – С. 69-73. – 0,3 п.л.

Подписано в печать 21.03.2014 г.
Формат А4/2. Ризография
Печ. л. 1,25. Тираж 100 экз. Заказ № 7/03-14
Отпечатано в ООО «Позитив-НБ»
634050 г. Томск, пр. Ленина 34а

